

Amicale
Internationale
KZ Neuengamme

Amicale Internationale KZ Neuengamme, Jean-Dolidier-Weg 75, 21039 Hamburg

Речь на торжественное памятное мероприятие в честь трагедии в Любекской бухте

Уважаемые представители земли Шлезвиг-Хольштейн и города Нойштадт !

Уважаемый господин Хоулинг, чьи слова всех нас глубоко затронули !

Мой уважаемый соотечественник Бернар Жён !

Дорогие друзья !

Названия некоторых мест напоминают нам особым образом об ужасах, сотворённых нацистскими варварами над узниками концлагерей в последние недели или дни второй Мировой войны. Когда мы говорим о концлагере Нойенгамме, мы особенно вспоминаем Зандбостель, Берген-Бельзен, Вёббелин (голод и истощение в котором не пережил мой отец, Жан Гуссо) и Любекскую бухту. Среди названных мест смерти именно Любекская бухта символизирует с особой силой весь масштаб той трагедии, которая разыгралась здесь 3го мая 1945 года, ту ужасную смерть, которая была предназначена узникам концлагерей во время последних дней войны, дней, которые должны были принести им освобождение.

Воспоминания об этих трагических событиях живут в коллективной памяти и они не могут утратить свою значимость. В последние годы мы наблюдаем возвращение фанатизма, нетерпимости, расизма и антисемитизма, обострение противоречий между этническими и религиозными группами, опасное нарастание взаимоисключающих друг друга группировок. Мы наблюдаем также тенденцию к росту ненависти и стремления лишить человеческого облика тех, кто относится к иным обществам. Этот принцип самым грустным образом напоминает принципы, создавшие опору национал-социализму.

Перед лицом этих вызывающих беспокойство тенденций становится всё более необходимым напоминать о том убийственном безумии, которое было развязано в Европе в 1933 году. Глубоко осознавая это мрачное прошлое, Объединение узников концлагеря Нойенгамме (Amicale internationale KZ Neunegamme, AIN), от имени которого я сегодня здесь говорю, хочет помянуть вместе с Вами всех тех почти 7000 человек, чья жизнь трагическим образом оборвалась 76 лет назад в волнах и на побережье Балтийского моря.

Меня зовут Мариан Хоулинг. Я родился в Польше, в моём городе по имени Львов, который сегодня является частью Украины.

Мне 96 лет и я пережил катастрофу Кап Арконы. Я был одним из последних узников, которые покинули концлагерь Нойенгамме. После нескольких дней мучительного марша мы достигли города Нойштадт и были сразу же погружены на Кап Аркону.

Царил хаос, они не знали, что с нами делать. Они приказали нам спускаться по широкой лестнице, ведущей в большое помещение, которое мне напомнило бальный зал или столовую.

После того как мы примерно час провели в этом помещении, началась бомбардировка корабля.

Мы пытались выбраться на палубу, но солдаты, которые стояли там, направили свои ружья на нас и сказали, что они будут стрелять.

Позже, когда дым сгустился, началась паника и на лестнице было столпотворение, и были слышны выстрелы, некоторые люди падали, многих солдат затоптали. Я был на палубе и искал что-нибудь, на чём я мог бы держаться на воде. Остаться на корабле было равно смертному приговору.

Я разделся, преодолел мой страх и прыгнул в воду. Мне повезло: я увидел спасательный плот с четырьмя мужчинами на нём, которые гребли в направлении от корабля.

Мне удалось доплыть до них и случился небольшой спор, но он продолжался лишь недолго.

Я добился своего и смог остаться на плоту. Мы достигли побережья незадолго до захода солнца и я был почти без сознания, я несколько раз терял сознание и моим последним воспоминанием было то, как я был на грузовике перед казармой в Нойштадте, и как какие-то мужчины внесли меня вовнутрь.

Там я провёл ночь, и на следующее утро я выглянул из входной двери и увидел британского солдата возле рампы. В этот момент я понял, что я выжил в этой войне. Очень важно проводить такие памятные мероприятия, которые сохраняют память, чтобы мы все имели возможность учиться на истории заботиться о том, чтобы такие ужасные события никогда больше не повторились.

Речь по случаю памятного мероприятия в Нойштадте,

Большое спасибо за приглашение произнести небольшую речь о моём погибшем отце. Мой французский отец Эжен Жён и мой датский отчим Грегерс Йенсен были оба участниками Сопротивления, каждый в своей стране, оба были узниками Нойенгамме, где они вместе работали врачами-узниками, мой отец — в качестве молодого врача, ему было 26 лет, а мой отчим — в качестве старшего врача 50ти лет.

В 1942 году, после своего возвращения из непродолжительного немецкого плена, в который он попал солдатом в начале войны, отец закончил обучение медицине и пришёл студентом в группу Сопротивления «Национальный совет Сопротивления» («Comité Interfaculté de Résistance»). Молодым врачом он присоединился к ассоциации «Service Périclès», которая вызвала к жизни школы групп сопротивления в подполье «Maquis-Écoles» и относилась к движению сопротивления «Борьба» («Combat»). Здесь он оказывал содействие в организации и руководстве центрального отделения в Лионе.

Будучи молодым врачом в старой больнице «Hôtel Dieu» в сердце Лиона он занимался налаживанием контактов и обмена между Лионом и «Maquis-Écoles» в Альпах и в департаменте Юра посредством учебных курсов и транспорта, которые обеспечивала больница. Таким образом он помогал прятаться евреям в разных населённых пунктах. В одном из старых задних дворов больницы на стене есть памятная доска в честь врачей больницы, которые были убиты или умерли в концлагерях во время обеих мировых войн. Среди них есть и имя моего отца.

Мой отец был арестован 20го апреля 1944 года в своём доме «лионским мясником» шефом лионского гестапо Клаусом Барби. Сначала отец находился в тюрьме Монлюк. В этой тюрьме содержались очень многие борцы французского сопротивления, которых Клаус Барби и его пособники здесь пытали. Моя мать не знала, подвергался ли он пыткам, но другие члены ассоциации «Service Périclès» подвергались пыткам, среди них госпожа Лесевр (Lesèvre), которая пережила депортацию в Равенсбрюк и в 1986 году дала показания в Лионе против Клауса Барби. За несколько недель до освобождения Лиона мой отец был переправлен в Компьень и оттуда 28 июля дальше в Нойенгамме. В Нойенгамме он работал зимой 1944-1945 года врачом-узником в одном из медицинских пунктов (ревир II). Он работал здесь вместе с другими врачами-узниками, среди которых был датский врач

Грегерс Йенсен, свободно говоривший по-французски. Несмотря на разницу в возрасте они стали друзьями.

Датский врач был активным участником датского Сопrotивления на острове Альс в южной части Дании. 6 октября 1944 года после акции саботажа на одной из немецких радарных станций на острове Альс он был арестован гестапо. Сначала он содержался в одном из лагерей недалеко от границы — лагере Фрёслев («Frøslevlejren»), отсюда 29 ноября он был отправлен в Нойенгамме. В апреле 1945 года он, как и все датские и норвежские узники концлагерей, вернулся на родину в результате акции «Белые автобусы», части акции Бернадота. После последней отправки датчан и норвежцев 20 апреля 10000 узников других национальностей были выведены из Нойенгамме, большая часть — поездом к Любекской бухте и оттуда в Нойштадт, где они были погружены на корабли. Мой отец попал на самый большой корабль, Кап Аркона, где он погиб в числе тысяч других узников, когда корабли подверглись бомбардировке со стороны Королевских военно-воздушных сил Великобритании (RAF), которые не предполагали, что на борту находятся узники.

О надежде моего отца снова увидеться со своей семьёй (моя мать родила в ноябре 1944 года моего младшего брата) рассказал в одной французской книге один из бывших узников, знавших его. Когда они услышали приближающуюся канонаду на другой стороне Эльбы, мой отец сказал ему: «На этот раз всё получится! Нас освободят, всё заканчивается». Другой узник, бывший с моим отцом в концлагере, Луи Мартен-Шофье (Louis Martin-Chauffier), переживший после Нойенгамме Берген-Бельзен, написал несколько страниц о моём отце в своей книге, так же как и третий узник Франсуа Рондю (François Rendu) в своих воспоминаниях о Нойенгамме. Но это вся информация, которая имеется у меня о времени пребывания моего отца в Нойенгамме. Мой датский отчим никогда не рассказывал об этом. Но он написал для Музея датского сопротивления в Копенгагене воспоминания о своём пребывании в качестве врача-узника. Эти воспоминания весьма подробно цитирует в своей датской книге о Нойенгамме историк Лангвитц Смит (Langwithz Smith), который сегодня находится среди нас.

После войны мой датский отчим написал запрос в Объединение французских врачей, чтобы узнать, что произошло с моим отцом. Объединение подтвердило, что отец погиб на корабле Кап Аркона. Тогда он нашёл моего дядю, старшего брата моего отца, который тоже был врачом в Лионе, а через него и мою маму. Он поехал во Францию, чтобы рассказать всё ей. После нескольких лет переписки с моей мамой он пригласил её в Данию и в конце концов просил её руки (его жена умерла в начале войны от рака). Мы — моя мать, мой брат и я — в январе 1949 года приехали в Августенборг на острове Аль на юге Дании, где мой отчим был домашним врачом.

Этот относительно счастливый конец трагической истории был отражён в довольно длинной статье одной датской газеты. Журналист узнал об этом, когда я впервые открыто рассказывал мою историю, во время одной из встреч в Университете Южной Дании, организованной Рабочим кружком, исследующим национал-социализм и Холокост. Сначала я отказался от интервью, поскольку я опасался, что журналист хотел чрезмерно драматизировать мою историю. Но поскольку это происходило в 2015 году, когда в Европу прибыло множество беженцев, он попытался убедить меня, что моя история имеет определённый посыл, способный побудить читателя к размышлениям. Этот аргумент убедил меня и я согласился на интервью. Он дал статье следующий заголовок: «Палачи Гитлера отправили моего отца на смерть и я стал датчанином». И это, видимо, правда.